

ПАВЕЛ ЛАВРЁНОВ

“ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ РОССИЯ...”

Камчатские зарисовки

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Уютное, тихое местечко, и от города не вдали. Нежное, беззащитное название – Паратунка. В нём и детскость, и неожиданность звучания, и приятное выговаривание. А вокруг лесистые сопки и высокая купольно-небесная синь.

Жилой посёлок безлюден. Редко проедет машина, даже рейсовый автобус не всегда завернёт. Никлые домики, привычные огороды и непутёвые, завалившиеся изгороди – картинка, от материковой деревни не отличишь. И только воздух – тонкий, свежий, бодрит особым холодком и напоминает, это – Камчатка. Избушка с высохшим православным крестом, маковка молельни цельновырублена из комля дерева – тоже примета, железо на Дальнем Востоке в цене.

Май, а снег лежит полтораметра, плотный, синий, крупнозернистый и совсем не холодный. Можно ходить разоблачась, и не зябко, до поры, конечно, потом замечаешь, настыл, но одеваться всё равно не хочется.

Сегодня в Паратунке, как и по всей стране, отмечают день Великой Победы.

При дороге стоит фанерный вагончик – шашлычная, машин понаехало к ней с дюжину. На пятачке толкуются парни, курят, на их плечах преданно виснут девушки. Из чьей-то машины прёт во всю мощь японских динамиков музыка.

Тёмное нутро шашлычной набито празднующими. Музыка лупит и здесь. За крохотными столиками на село свих всякой меры. Тесно и бутылкам на столах, закусок за стаканами не разглядеть. Между пьющими прохаживается хозяин шашлычной – азербайджанец, трезвый. Оборачивается к одной группе, другой, картинно покрикивает: “Оборзели!” “Эй, заглохни!” Плечистые, коротко стриженные парни его замечания не относят к себе, но всё же пытаются блюсти меру в голосе, густой матерщине. Под потолком работает телевизор, немо крутит праздничный кремлёвский концерт.

В слащавом притворстве меню предлагает “салатик из помидорчиков”, “салатик из огурчиков”, “из помидорчиков и огурчиков”. Овощи без вкуса, китайские. Почётно прописаны “свинные рёбрышки” и кавказский “шашлык”. Самое безопасное – покупные пельмени, их, слава богу, не лепят здесь, а так накормить могут и собачатиной. За стойкой служит молоденькая, откровенно красивая девушка. Перекрикивая музыку, честно советует: “Возьмите курицу, хорошая, американская! мы сами едим!”

Вдруг в дальнем углу вспыхивает ссора. Молодой парень схватился с крепким седым мужиком. Мужчина тянется поймать парня за горло, но мо-

лодой вывернулся и с маху ударил противника. Дерущихся особо не разнимали, отнеслись к потасовке обыденно. Мужчина отстал от парня, лицо залито кровью. Кое-как дошёл до жестяного умывальника, постучал соском, сколько смог смыл кровь. Под глазом глубокое рассечение.

Парень победным махом опрокинул полстакана водки, понюхал хлеб.

За окном две девушки открыли под авторadio танцы. Повторяя подсмотренные в фильмах движения стриптизёрш, играют пьяную страсть. Барабанная музыка тшится протолкать тишину Паратунки и, бессильная справиться, оседает на затоптанном дворике. На крыльце проявился убравшийся от греха хозяин. Поигрывает чётками, подзуживает девушек гортанными криками.

Компания с драчливым парнем поднялась. На улице один из друзей приобнял драчуна, подхвалил: “Ну, ты герой!” На задке пятка у дощатой уборной стоял побитый мужчина, прикладывал к глазу снег.

Более достойная дань памятной дате воздаётся в месте ином.

Малоприметный поворот с поселковой дороги, крутой взбег, и на пригорке светится мёдом новенький бревенчатый храм. Ещё выше, за воротами глухого забора, горбится закованная в панцирь железных пластин гостиница. Под берёзами-каменущами притаились добротные дома местной знати. Зазаборная земля – частная собственность, отписана у посёлка. Чудачество архитектора – островерхая башня гостиницы с “президентским” номером в ней маячит надзирательской вышкой.

На помосте у голубенького бассейна с природной горячей водой сидят за длинным столом двое сочных мужчин. Снуют вокруг слуги, подносят кастрюли, меняют простывшие блюда. Один из знати – камчатец, второй – с материка, прилетает на полуостров поесть свежую рыбу, оздоровиться в термальных источниках.

Здесь тишина ещё глубже, и даже слуги двигаются бесшумно.

Материковый хозяин выкусывает мясистый бок рыбины, хвалит, попутно жалуясь: “Миллион долларов за дом финнам отдал, а переправить сюда и поставить – ещё столько же заплатил!” Сосед расстёгивает куртку, задирает свитер, подставляет солнцу большой живот и совестит: “Ну что же ты раньше мне не сказал?! Я бы местных рабочих пригнал, бесплатно собрали бы!” И долго судят европейские цены, ругают русских строителей-неумех. Потом переходят к правительству, по кличкам называют министров, решают, кого зазывать на Камчатку и чем развлекать. Номера в гостинице распределяют по рангу: “президентский” оставляют чину промышленности, похваливают, смеясь – “славно в приватизацию воевал, заслужил боец отдых”. Хозяин финского дома небрежно делится: “Работал его пацан у меня, так, оболтус обыкновенный, для формы числился. По Швейцарии на машине гонял да на курортных озёрах купался”. “А полпред катится в Паратунку, движение закрывают, вездеход спецвязи на частную землю вопрёт, взрывчатку с собаками ищут”. – Так мирно, час за часом говорят, делятся новостями, состраивают планы на будущее.

Из финского дома, похожего на пещеру, высыпала семья, шумная, весёлая, быстрая. Мамаша садится к столу, дети лезут в бассейн с целебной термальной водой, визжат, плещутся. Слуги поспешают обновить тарелки. Отец привлекает старшенького: “Поешь помидоры – камчатские, настоящие, экологически чистые, такие и в Швейцарии ни за какие деньги не купишь”. Сын кукусит лицо, отворачивается. “Ну тогда сходи посмотри, что в нашей гостинице делается”. Парень ковыряет ботинком плотный снег, кутается в куртку, нудит: “А что интересного там?” Отец спохватывается: “Мы за Победу не пили!” Сосед гладит живот, осматривает владенья: “С кровью досталась земля, тяжёлые бои за курортную зону выдержали”. Наезжий хозяин что-то вспоминает, отвлекает жену от кушаний: “Ты отдала икону попу?” Женщина растолкала языком по защёки куски, мотнула головой: “Отдала”. Вспоминает и сосед: “Этот поп доски на иконостас забраковал, новые просит”. Товарищ стискивает бутылку в руке, убийственно смотрит соседу в глаза: “Он что – совсем обнаглел?! Мы ему церковь бесплатно построили!” Женщина торопится поддержать мужа: “Я икону через всю страну сюда волокла. Икона старая, дорогая, задаром её получил!”

Накупались до розовости, навизжались до всхлипов дети, стуча по настилу пятками, побежали в дом. Потоптался у стола старшенький и потащился скучно к гостинице.

Со стороны океана всплыли жидким дымком белые облачка, а следом, срезая купол синего неба, насунулась армада тёмных тяжёлых туч. Посуровели сопки, ощутимо потянуло морозцем. Завечерело.

Мужчины нетрезво обнялись, дружелюбно обхлопали друг другу толстые спины. Владелец финского домика вцепился в руку товарища: “Угодий бы ещё прикупить, в гектарах Швейцарию переплюнуть. Нигде лучше рыбалки нет и охоты”. Местный хозяин шутливо отрапортовал: “Направление удара понял, разработаем в штабе стратегию! силы повоювать за Камчатку есть! на будущий год к юбилею Победы поспеем!” – “И вот что, за гостиницей спуск лыжный устроить, ну ты понимаешь, Кто может прилететь! Там развалюхи, выселить бы... И на въезде халупы вид портят”. – “Халупы щитами закроем, а за гостиницей – их тальми водами ежегод заливаает, скоро сами уйдут, денег нет с паводками бороться”. И ещё раз обнялись крепко, расцеловались.

Компании парней в придорожной шашлычной выволакивали девок наружу, хлопали дверцами подержанных японских машин. Победоносно сигналили, разъезжались. На крыльце стоял тёмный хозяин, сплёвывая вослед, гостеприимно кричал: “Завтра жду похмеляться!” Неожиданно из приоткрытого окна последней машины пролилась случайная песня: “А Камчатка, а Камчатка от Москвы далековата...” И совсем уже от дороги “японец” донёс: “...здесь начинается Россия”.

И стихло, как вымерло.

Вжилось в душу скудное поселение. На вопросы о его названии камчатцы пожимали плечами: “от речки Паратунка, наверно”, и, чужая родной русский язык, уверенно отрицали: “но не от “пара” горячих источников”.

Из справочных книг, переписки с работниками областной библиотеки Петропавловск-Камчатского наскреблись малые крохи: в начале XVIII века в верстах 20–30 от нынешней Паратунки стоял острожек Паратун – одно из крупнейших поселений Камчатки. Был назван казаками так по имени тайона (старейшины) ительменского рода Паратуна. Это имя вошло и в название ближней речки, хотя сами ительмены и коряки не называли своими личными именами озёра, реки, горы, населённые пункты. В году 1740 его сменяет острожек Карымчин, а острог Паратун исчезает. Вскоре и Карымчин перестает существовать. Тоже вымирает. И теперь уже на новом месте зарождается (1828 г.) поселение, переняв имя реки Паратунка.

Не богато сохранилось истории.

Чистый воздух, живая вода, благодатные земли. “Несмотря на пасмурную погоду, постоянную сырость и сильные испарения, Камчатка всё же является одной из наиболее здоровых стран в мире”*. Прибывать бы народом здесь, набираться нации силы... “Вымираем...” – подтвердила сотрудница библиотеки. И с такой интонацией это сказала, будто полонянка в чужбине. И показалась на миг крышегорбая гостиница хищной железной птицей, закогтившей селение, островерхая башня-головка ещё и в небе выцеливает, что клювом схватить. И те два победителя на помосте – пируют, как все захватчики во все времена. А народу – халабуда пьяной шашлычной, да костью брошен небольшой деревянный храм...

ЗЛАТО-СЕРЕБРО

И снег на сопках истаял, и потеплело вроде, а Небо медлит чего-то, за-слоняется тучами наглухо. Сырой полумрак, вязкость туманов. От земли ни единого запаха – и она изнывает по солнцу, серая, в бурых космах старой травы. Мрачнют вулканы, – обнажились лавовые чёрные струпы. И ветер швыряется чем ни попадя. Даже вороны каркают жалобно. А солнца всё нет, май уже на излёте. И когда смиряешься, приведён камчатской природой в покорность, вмиг деваются куда облака, и в крутой синеве неба является солнце – маленькое, аккуратное. Золотая заклёпочка. Крохотка эта ничего, кажется, не сможет согреть. И тем удивительней его полная власть. Сильные

* Георг Вильгельм Стеллер. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 1999 г., с. 55.

до нажёга лучи свободно пронзают сырой воздух, просушают в мгновение камни. От неожиданной перемены всё вокруг замирает, блаженно жмурится горячему свету. И разбойный ветер унялся, не шевельнёт единой былинки сухой.

Ну, наконец-то! Думалось, холоду не будет конца, а тут из зимы сразу в лето! Сбросить быстрее волглую куртку, тяжёлую обувь и вбирать под чистой синью золотое тепло. И вот уже сопки завиваются цветной пеленой. Этот разноцветный обвой принимаешь сперва за обман. Цвета на Камчатке чёткие, с определёнными границами красок. И запахи тоже тонкие, едва уловимые. Опускаешь глаза и не веришь: сквозь укатанную половодьем сухую траву схватились подняться зелёные побеги! Почки каменок поспели распариться, приоткрылись, а до солнца были крепким зерном! Стремительность восхода невероятна. И весёлое сожаление – тайну главную проглядел! Но не раз ещё сожмутся от холода желторотики-почки, и пеленчатая окутка сопки будет приопадать. А вера теперь уже твёрдая – днями полностью отворится Небо.

В назначенный день или утро прекращает вовсе буйствовать ветер, полуостров охватывает устойчивое тепло. Начинается всеобщий разгул цветения. И серчавшие вулканы будто добреют, а какой-то не сдержится, удовлетворенно пыхнет солнцу дымком. Вороны – огромные, чёрные, не перебрёхиваются верными стражами, – мурлычут, осовели в ветвях свежей зелени. За всех отдуваются воробы – стрекохут, толкутся, свиристы! Их не было на Камчатке до 70-х годов XX века; очевидцы утверждают: с материка попали на барже с зерном; выжили при человеке. Всё такого же простенького серого оперения, а голос набрали – на тебе, перепоят курского соловья.

Упоительно летнее светоношение. Оно изливается, нисходит и не ослепляет, до края даёт смотреть.

Вселенски развернулся и Океан – утишенный. Всю зиму пестовал побережье, прочь морозы сдувал. К весне потемнел тяжело, сейчас у неба перенимает цвет. Зато не на шутку разбушевалась на суше растительность. Разлапались еле выпростанные недавно листочки, поднялась до колен трава. И каждый день начинается с окропления: поостывший за ночь берёзник быстро нагревается в лучах взошедшего солнца и брызжет, сеет влаги пыльцу – благословляется земля за долготерпение. А зеленые уже штурмуют вулканы, берёт подножия приступом, пластается, круто бурлит, не боится набегать и на холодные океанские воды. Ничто, кажется, не остановит её, сопки давно покорены. Наливается медвежья дудка, ей махануть в два метра – пустяк. Невиданно сочный папоротник – невольно поверишь, здесь он не может не зацвести. Все цвета по-прежнему чёткие, так же ясно границы красок проведены, никогда не смешаются, не примут бледных полутонов. А запахах нет, лишь едва их можно услышать в лесу. И веет, непрестанно веет с холодинкой воздух – от океана и не сошедших с вулканов снегов.

Быстро матереет листва, входят в ядрёную спелость травы. Наступает очередное преображение. Разом, как всегда, в один день прекратился всеобщий разгул. В благодетельной тишине развернулась из края в край круто заведённых тонов картина: берег океана, там где он непреступно скалист, строго делится на две части по цвету: верхняя, отданная солнцу, – серая; нижняя, обливаемая волнами, – чёрная до монашеских риз. И пологие берега черны, в старательно просеянном вулканическом, шелковистом песке. И с береговой границы без отступов и проплешин господствуют по всей земле роскошные зеленя. На сопках, потеснив деревья, разбросались куртины кедрового, ольхового стланика, вздулись шарами кусты рябины. Издали плотный покров смотрится рытым бархатом. В низинах и поймах рек он ещё гуще, темней, там – осина, тополя, можжевельник. В увалистой недоступной серёдке пушится реликтовая грациозная лиственница, в любом возрасте девичьей красоты! И настолько покров ворсист, что в нём и вулканы вот-вот утопнут, а были куда как велики! – в облачении чёрно-белом, работают кадилами празднично. Кое-где снежки в жаре уцелели, лежат на бархате нерпичьими шкурками. Чьим-то сметливым глазом и отзывом сердца точно определено: Камчатка – наш Северный Крым.

Разграничены краски. Цвета полны. Невозможной свежести воздух. В мерном дыхании Океан. Благодетельной высоты Небо. С ладошку землицы от России всей, а как нигде понимаешь: именно здесь хранится чистозвонное её сокровище – могучность. Нет, не за право ясачить стояли насмерть в середине XIX века камчатцы против англо-французской эскадры. И не по долгу

одному и присяге. Бились неподневно вдыхать могучую девственность первородного края. В том — русский народ, корень всей нации. И благодарно толкаешься сердцем к пращурам. Не иссыхают смыслы доблестных внешних Побед. Поднимается, крепится дух.

Усилия солнца зазря не пропали. В одно из утр находишь на камешках обворожительную подмену: там и сям развешаны листочки из самородного крушца. Не увядшие, не зачахлые, не в болезненных пятнах — тонкокатаные, полупрозрачные, сработаны мастерски, ювелирно. И вновь посыпались на землю подарки. Горстями подбавляется золота, а то брызнет кропилом, или капнет крупно, или куском выложится. Поразительно, как жёлтая листва светится в сумерках! Это убывающему солнцу взамен. Покров держится темно-зелёный, и грядки берёз на нём — шикарные золотины.

В такой же свой час ветер сдёрнет разом с деревьев листву, сопки натянут на себя буюру шкуру. И на их макушки опрокинется по ковшику свежего серебреца. А прежде того — на Корякский вулкан. Коряк шапку надел, — верная примета скорого снега. И пометёт длинно, без передыху. Всю зиму белейшие сугробья будет накручивать.

Над каким ещё краем трудится с такой любовью Творец?!
Счастье.

БЕЗДНА

Бесприютен поздней осенью Петропавловск-Камчатский — грязноват, обшарпан, гол. Ни дать ни взять промышленный городишко при каком-нибудь заводе, хозяин которого бессовестно обкрадывает рабочих и нисколько не заботится о быте рабов, полученных в придачу к бесплатно доставшейся фабрике. Всё повторяет Россию — разбитые донельзя дороги, чадающие смрадом автобусы, дикая дороговизна электроэнергии, топлива и всех жизненно необходимых товаров. В реках — стадища рыбы, но благородные лососёвые, икра, славного урожая креветки с океанских полей, — и те малодоступны на рынке, а уж о крабе, морских ежах, гребешках и прочих чудесностях и не помыслится — деликатесы, ими кормятся японцы, корейцы, многолюдный Китай. И ещё налетают полакомиться полезнейшими гадами материковые олигархи. Оленина — дефицит. И грибы, ягоды крайне дороги, а их на Камчатке божественное изобилие. Папоротник — лучшая на свете еда; пожаренный на постном масле — изысканнейшее мясо по вкусу забьёт. Его косят корейцы, солят столитровыми бочками, отправляют к себе. Нашим поехать собрать — нечем уплатить за бензин. Где-нибудь в пригороде чуток пощиплют. Крупнющую, неправдоподобно сладкую бруснику, голубику, жимолость, шикшу, белые грибы, ароматнейшую черемшу — сельчане по той же причине на городской рынок не привезут. Им себе бы управиться на зиму заготовить. Сама жизнь в её естестве становится недоступной. Впрочем, выйдет ещё дороже прежде времени помирить.

А поздняя осень гнетёт, давит безжалостно. Солнце исчезло. Резкий порывистый ветер переплетён ледяными струями. Не смягчает морозного его придыхания и туман. В горах и в центре полуострова давно выпал снег, там лето быстро перевернулось в зиму, жарят морозы всюду. Окрестные чёрно-бурые сопки, как стадо лосей опустили морды понуро. Вороны конечно же злые, каркают недружелюбно. Давно скукожилась и облетела с деревьев листва, пригнулись одеревеневшие буздылки травы. Тягости добавляет разлетевшийся по городу мусор, горы опавшей листвы, чёрные намётины вулканического песка. У бетонных кубиков пятиэтажных домов, ещё как-то приукрашенных летом, оголились обитые заржавленным железом торцы. Эта ржа на домах выглядит особенно безутешно: как останки кораблей немалой флотилии — в одночасье потерпели крушение, выброшены на берег волнами Авачинской бухты. Люди чудом спаслись, пытаются на каменистой суше выжить. Дома плохо для этого приспособлены, в их скромных квартирах уют даётся с трудом.

Расстарывалась советская власть, бетона на коробки не пожалела, землетрясение и свыше десяти баллов, кажется, выдержат. Но как холодно, сыро в них, особенно осенью, пока не включают тепло. И весной, и летом. В летние дни, правда, иное, — солнечная сторона накаляется, комнаты превращаются в душегубки, а куда лучи не дотянут — по-прежнему погреба не теплей. В 90-е было — не отапливали вообще; зимой ставили в квартирах буржуйки.

Как люди выжили?! И край не бросили свой! Не предали землю! И продолжают отстаивать изо всех сил. Выдумывают оберечь жилища, сочинили обить железом торцы – спасительная самоделка. Секущие то с запада, то с востока снега и дожди разрывают межблочные швы, крошат, высекают бетон. И никакая краска против сырости на железе не держится. Поёживаешься от внешнего вида коробок. На архитектурную мысль и намёка нет. Таким ли домам стоять в Господнем краю?! Сюда просятся деревянные, небольшие, индивидуального отопления, с придомным участком земли. Северные канадцы, финны смогли под холодный климат выдумать технологии, не упустили позаботиться и о красоте. Да и наши помнят, как правильно ставить, русский колорит сохранить. Пара таких исторических домиков стоят в центре, до сих пор справны, краеведческим музеем, престижным рестораном служат. И людей-то живёт на Камчатке – пятисот тысяч не наскребёшь! Но на удобную красоту для простого человека не бывает денег у земных властей.

Сеет, бесконечно капает дождь. Рванёт снежный ветер – накрап на минуту затихнет, унесётся порыв – опять принимается поливать. Пасмурность дни напролёт. Есть ли солнце вообще во Вселенной?! Кажется, всякая жизнь за стенами остановилась. Из-под крыши не хочется вылезать. Ан, нет! Охи напрасны, улицы народу полны, и на дождь никто не обращает внимания, без зонтиков ходят. Странно, – сверху покапывает непрерывно, а вроде не мокро, и холод не злой. Неиспорченная чистота природы. Душевная дурнота в ней – грех! И не встречаются унылые лица! Что-то не видать и сбитой в кучи листвы, – ветер распахал куда надо. И чёрный песок дождевыми водами смыло. Но мусор – глаза колет! – клочки бумаги весь город засеяли. “Да что ж так замусорено?” – “Ветер, вороны”. Ответено со спокойным признанием слабосильности человека против природных стихий. А слышится юмором – вороны беспорядок наводят. Хотя с ними и вправду не сладить – вездесущие, хозяйева здешней земли. Знают: их легендарный предок Кутх по камешку сотворил в пустынном океане Камчатку.

Всё-таки плохо без солнца, от пасмури подустаёшь. Но если смотреть не в небо, а в даль, увидишь необычное осенней поры явление. Низко идущие тёмные тучи, обложившие землю даже с боков, на горизонте обрываются. И между ними и океаном сияет свет. Временами посвёркивает, будто поворачивается гранями прозрачный хрусталь – то ли утренняя заря задержалась, то ли вечерняя вступила до времени, а может, сошлись на краю? Завораживающе красиво. Горизонт виден так далеко, что сомневаешься – не обманка ли зрения.

В один из таких дней разлетелся по Петропавловску слух: “Абрамович приехал. На яхте в порту встал”. Появление этой особы у берегов полуострова было загадочным. Никто его сюда не звал и не ждал. Вскоре таинственность разъяснилась: “Яхта олигарха с неопознанным предметом в океане столкнулась!” Ходившие на рыбалку и знавшие океан камчатцы насмехались: “Топляк тронул борт, а он...” Заволновались чиновники, сам губернатор встречи искал, но олигарх не заинтересовался, сослался на частный визит.

Не проявляли интереса к нему и жители города. Без намёка на зависть пересказывали описание корабля. Редко-редко кто приостанавливался на самой высокой точке холма прибрежной Аллеи Флота и пытался разведать за портовыми постройками стометровое чудо.

Яхта и впрямь прекрасна. Чёрное тело, точенное резать океанские волны, напоминает стремительными бокастыми линиями касатку. Белоснежные, сглаженных форм надстройки, торчащий спинным плавником радар усиливают сравнение с хищницей. К хребту прикреплены вертолёт, глиссер и ещё яхта – парусная. Всё – налаченное, чистоты безупречной. Подобные вещицы в мире наперечёт. В переключку с бездонными водами яхта названа “LE GRAND BLEU” – “ГОЛУБАЯ БЕЗДНА”.

Вдоль причала протянута красно-белая дорожная лента, а там, где не хватило её, наставлены мятые железные бочки. По эту сторону ленты отаптывается женщина в форме пограничницы. По ту – сидит за раскладным столиком обряженный в новый костюм круглощёкий детина. Следит за передвижениями портовых рабочих, записывает в амбарной книге загружаемые продукты. Служба личной безопасности олигарха. У пограничницы нет ни будочки, ни на веса над головой, пост обозначен её туловищем.

– К яхте подойти можно?

– Нельзя. Государственная граница.

– Так причал же – наш!

– Корабль – иностранный.

Пониже “Голубой бездны” означено – Hamilton, порт приписки.

– Это что же, Абрамович внутри страны уже границы проводит?

– Проводит...

Женщина подняла воротник, сунула в рукава озябшие руки, устало привалилась к бочкам; обвисшая старенькая шинель, стоптанные сапоги. Ветер потрепывает светлые волосы непокрытой головы. На лице полное безразличие к “Бездне”, “границе”, “посту”. И вправду, зачем мёрзнуть ей здесь? Всё равно камчатцы не прибегут с дрыном наперевес возвращать украденное у народа имущество. У них из-под носа и порт этот увели, и корабли. Полоска шербатого причала у государства осталась.

Неожиданно сверху спланировал ворон, перемахнул “госграницу” и встал против детины. Ух ты, здоровущий! чернуший! породистый! Ветер с Авачинской бухты взьерошил на вороновой спине перья, отчего он стал ещё больше, грозно-горбатым. Какое-то время птица целила длинный нос в детину, разглядывала, изучала. Уяснив ничтожное значение человечка, ворон повернулся задом, церемонными перепрыгами прошёлся вдоль “Бездны” и вернулся назад. При приближении докеров, таскавших на горбу бутылки с питьевой водой, он и с места не двинулся. Мужики уважительно обошли пернатого. А тот стоял и смотрел, резко вертя головой, на яхту, работу докеров. Красив, красив и могуч! Недаром ительмены назначили его своим божеством. Такое же во взгляде лукавство, и в форме носа читается весёлое озорство.

Ворон расставил прямые крепкие ноги, дёрнул плечами, как бы примеряясь к той тяжести, что носили на себе грузчики, и сильно ударил носом в бетонный причал. Отвага, однако – постройка нехай древняя, а всё же каменная. Но дело своё он знал, видать, хорошо. В несколько приёмов выломал из бетона увесистый голыш и, оживляя на глазах сказку о Кутхе, подбросил камень вверх. Звук упавшего на причал голыша достиг борта яхты, отразился эхом, со стороны послышалось, кто-то колет в чреве кита орехи. Ворон заинтересовался звуком, с ловким вывертом шеи бросил камень ещё пару раз. Пограничница, радуясь пустячному развлечению, с улыбкой следила за работой птицы. А он вдруг подхватил орудие и перелетел с ним на борт судна. Пограничница засмеялась. Ворон приземлился у китового плавника и вновь подбросил океанский голыш. Камень с грохотом ударился о наблещенные части корабля. Охранник подбежал к яхте, замахал руками, но высоченный борт безопасил птицу. Кутх упорно долбил камнем хищницу. Позабыв караульный устав, залиvisto хохотала пограничница. Насупленный охранник включил рацию, вызвал подмогу. Над головами мелькнул чёрный взьерошенный ком, раздалось карканье: “Вон, вор! Вон, вор! Позор!” И унеслось вместе с ветром в сторону города. Детина привязанно вернулся на место. Обрела скучающий вид пограничница. Трепетала надставленная пустыми бочками куца ленточка государственной границы. Стыла “Бездна”, наглухо застав горизонт.

Великий Стеллер – немец с русской душой, в XVIII веке записал: “По их (ительменов) мнению, вовсе не нужно, чтобы Бог карал людей за грехи: и без того большое несчастье для человека, если он от природы плох, и тем самым он уже в достаточной мере наказан самими людьми: ведь если кто-либо при жизни был вором... то его за это в своё время жестоко избивали, а порою даже убивали, никто с ним не дружил, а следовательно, сам он был всегда беден и во всём нуждался”*.

О, мудрые ительмены! У нашего племени законы иные.

СЕВЕРО-ЭВЕНСК

Местный охотовед, бегая с нами от гостиницы к районной администрации и обратно, попутно знакомил с порядками Северо-Эвенска:

– По посёлку, особенно вечером, по одному не ходите.

Камчатский егерь, привязывая его наставления к предстоящей охоте, пошутил:

* Георг Вильгельм Стеллер. Там же, с. 159.

– Волки в посёлок заходят?
– Местные подростки – волки! Ничего не бояться. Хоть какой ты здоровый будь, убежать не стесняйся!

На наши повторные просьбы помочь с гостиничными номерами заместитель главы района реагировал чутко. Кабинет подчёркнуто бедный, неряшливый, на подоконнике, письменном столе, канцелярских принадлежностях лежит слой затвердевшей, спёкшейся в грязь пыли, и только в центре стола, где чиновник возит руками, столешница чистая и пол сносно помыт. Плюгавенький замглавы смотрит на нас напряжённо. Сальные волосы, мятая рубашка, протёртый узел грязного галстука. Выжидательный взгляд с готовностью немедля помочь – по-чиновничьи отработаны.

Наседая на него новостью о приезде в посёлок важных людей, которые выбрались сюда поохотиться, кое-как удалось получить скупое признание: все отдельные номера забронированы для судей магаданского выездного суда.

Местный охотовед выругался за порогом: “Это же его едут судить за финансовые нарушения, а он, как ни в чём ни бывало, в кабинете сидит. Второго по счёту заместителя у нас за финансы судят, а сам глава района словно и не виновен!”

Администратор гостиницы Женя развела на наши уговоры руками:

– Если бы ваши начальнички-охотнички раньше приехали, любые номера могли бы занять, гостиница весь год пустая стоит. А тут ещё оленеводы со своим слётом, никак не разъедутся. Да вы и поселяться после них не захотите.

Женя опустила глаза. Уж очень мы откровенно рассматривали её. Стройная, красивая, женственная. Усердствуя подружиться с Женей, ележно потянули на разговор:

– Очень плохие номера?

– Грязные. Идёмте, посмотрите.

Не заходя в номер, мы отступили от порога подальше. Длинный коряк спал в одежде на голом матрасе лицом вниз.

Женя смело вошла в номер, схватила постояльца тонкими пальцами за плечо:

– Вставай! Тебя родственники обыскались! Освобождай номер!

Коряк поднял косматую голову, пьяно посмотрел на девушку:

– Ружьё, где ружьё моё?

– В милиции! Как протрезвеешь, его тебе отдадут! – И, бросив зильца, посетовала: – Месяц после них грязь выгребать, помещения проветривать.

Мы упорно разговаривали девушку туманными намёками:

– Женя, а в кафе ходите?

– Хожу иногда, но там спокойно не посидишь. Подростки после первых рюмок с танцами лезут. Два раза откажешь, на третий – тарелки на пол скинут или стол вверх тормашками перевернут.

Стесняясь мужских взглядов, девушка покраснела, стянула на груди кофточку, обмотала шею шарфом. Одолеть смущение помог телефонный звонок. Отрезала в трубку какому-то ухажёру:

– Пошёл ты! – Пояснила нам свою грубость: – Замотал предложениями, в гости домой набивается.

Чтобы не вызывать к себе таких подозрений, мы перешли на стандартный набор:

– Женя, в посёлке шампанское продают?

Снарядив одного из наших в лавчонку, продолжили подлащиваться к девушке: “А что это за слёт оленеводов? И давно ли она в посёлке живёт? Чем народ занимается? Что можно купить из продуктов?”

Убедившись в нашем уважении к ней, Евгения открыла книгу записей:

– С судьями сами будете объясняться.

И, утверждаясь в своей независимости от начальства, выдала нам ключи от номеров.

Захватывая последние часы слёта оленеводов, мы поспешили в Дом культуры.

Ледяной всепронзающий ветер колет лицо серым морским песком, засоряет глаза. Сощурившись до слепоты и не разбирая дороги, едва не налетели на самоходную коляску. Здоровый мужик в телогрейке с распахнутой грудью, словно мороз и не жалил его, газовал на трёхколёсной мотоциклетке. Вместо колёс к раме приделаны большие баллоны, перетянутые брезентовой

лентой. По телевизору эта придумка подаётся корреспондентами едва не техническим достижением, здесь же, среди кривых домиков, ледяных глыб и камней, самоделка катила страшноватым инопланетным пришельцем.

Сопровождавший нас местный охотовед, сплёвывая песок, объяснил:

– Мужики додумались мотоцикл переделать! По снегу удобно ездить! И колёса легко сдуть, в тепло спрятать. У меня шины на служебном “Урале” полуквадратными от мороза становятся и, пока на ходу разогреешь, как на лошади несколько километров в кабине скачешь!

У Дома культуры, где проходили главные торжества, стояли небольшими группками эвены, коряки в расшитых бисером праздничных национальных одеждах. Заслоня собой от ветра огонь, варили в котлах угощение из оленины. Спиртного видно не было, но слегка выпившие всё же встречались. Мы с любопытством ходили между гуртами. Несмотря на наши доброжелательные лица и явное желание пообщаться, оленеводы, как мне показалось, не обращали на нас внимания намеренно. В стороне боролись за программный приз двое молодых, раздетых по пояс эвенов. Три оленьих упряжки готовились к гонкам. Продолжая искать общения, я спросил одного ездока:

– Олени по песку сани потянут?

– И по песку...

В какой-то момент мы почувствовали себя на празднике чужаками. Наш интерес к оленеводам ничего не значил для них. Разбросанные по лесотундре, оторванно живя месяцами малыми семьями, они хотели наговориться с сородичами, показать друг другу свои праздничные одежды.

Над входом типовой железобетонной коробки прибито кумачовое полотно, казённым языком приветствуется оленеводческий труд. Войдя в коридор, мы уважительно раскланялись с ветеранами, сидевшими на лавках вдоль стен. Пожилые эвены и эвенки первыми принимали почёт от входящих, поверх зимних одежд приколоты трудовые ордена, медали.

В зале торжества завершились, развернулась торговля. Грубо выделанные шкуры волка, собранные из плохонького меха малахаи, традиционные торбаса, свёрнутые кулёчком ложки из бересты, незатейливо вырезанные поделки из дерева стоили дорого, даже по ценам столничным. Молодёжки продавщицы-корячки на попытки что-либо у них спросить застенчиво улыбались, прятались от фотоаппарата за спины друг друга.

На улице вручали приз победителю гонок. Молодой коряк, прикладывая ладонь к красному распухшему уху, сообщил:

– На повороте малахай потерял, ухо отморозил, всё равно первым пришёл.

Мы поздравили его, спросили, можно ли купить оленьего мяса.

– Олени есть. Бензин нужен для снегохода. Бочку дадите?

– Дорого сверх всякой меры!

– Спросите у других, за водку тушу дадут.

Покупать вообще за спиртное что-либо мы отказались. Вживую глядя на оленеводов, явственно осознаёшь хрупкость их жизненного уклада. Всё богатство коренных малых народов – одежда ручной работы, олени, язык.

На обратной дороге встретили полураздетого пьяного коряка, идёт в резиновых калошах на босу ногу, непокрытая голова в проплешинах. Вслед за ним вылезла из деревенского домика пьяная корячка. Полезли в домик соседний.

Охотовед заметил с горечью:

– Лишай, туберкулёз, спиваются. Во хмелю перестают соображать, могут совершить и убийство.

Вечером, нарушив наставление проводника, я отправился на почту один. Ветер стих, мороз к ночи усилился. Вдалеке молотил генератор, густо дымил котельная. Воздух в безветрии пропитался запахом угольной сажи. Холодная гулкость, низкое небо. Избушки с тёмными окнами, на окраине посёлка две мёртвые пятиэтажки, стёкла выбиты, двери заколочены досками. Ни души. Берег Охотского моря дыбится желтоватыми глыбами льда, вода тяжёлая, вязкая. Безжизненность вызывает тревогу. На двери почты приколоты записка о техническом перерыве. Коротая время, я взобрался на кучу дырявых чугунных батарей, выброшенных из разбитых панельных домов. Вдалеке помигивала лампочка продуктового магазина. На дороге замаячила фигура.

Крепкий мужчина остановился, спросил привычно:

– Наскребём выпить?

Я отозвался по-свойски:

- Да ни одной батареи ещё не продал!
- Ну, приходи потом в магазин.

К общим впечатлениям о жизни приморского посёлка добавил красок сосед по гостинице:

– Тяжело без работы. Рыбалки нет, переработку морепродуктов в 90-е загубили. И браконьерить смысла нет, вывозить нечем. Народ опускается. Ягоду, грибы для себя бросили заготовливать. – И попытался смягчить беспробудность. – Но служащие аэропорта держатся, хоть рейсовые самолёты и перестали летать! Милиция стоит, районный охотовед – парень чёткий! А если ехать куда, берите водителем Асланбека Камбулатовича, надёжный ингуш. Есть ещё крепкие люди здесь! Я тоже кручусь!

И предложил купить у него резные рога лося, охотничий нож.

Перед отлётом поохотившиеся начальники устроили прощальный ужин. Полная, энергичная женщина, владелица хлипкой избушки, приспособленной под кафе, строго-настрого наказала: “Дверь закройте изнутри, на стуки не откликайтесь, иначе местные просить выпивку будут, не дадут спокойно вам посидеть”.

Приглашённые главы местных служб едва притронулись к выставленным угощениям и всё порывались рассказать “большим людям” с “большой земли” о планах возрождения промыслов, добыче, переработке.

“Важные люди” слушали молча, полистали подаренную книгу о крае. Заботили добытые трофеи, шкуры волков не протухли бы.

Под конец вечера поднялся с тостом высокий узкоплечий на косолапых ногах охотник. Обедая взглядом покосившиеся стены, заклеенные бумажными заплатками окна, мяклым голосом оценил: “Хорошо у вас тут. – Немного подумал и скорбно признался: – Устаёшь за год от европейских порядков. В Швейцарии скорость на машине превысил, пришлось пять тысяч долларов выложить, чтобы права сохранить. Адвоката лучшего нанимал! – И, делясь благостным настроением, похвалил местных службистов: – А у вас простор, красота! За ваш край! За ваше гостеприимство!”...

Вертолёт медленно набирал высоту. В иллюминаторе потянулась бесконечная тундра, ледяное Охотское море и на берегу, не в силах подать сигнала о помощи, дымил крохотным однотрубным корабликом Северо-Эвенск.

ПО СЛЕДУ

Необъяснимо привязывает к себе Дальний Восток. И через пять лет, в марте 2012 года, я попытался разыскать в Северо-Эвенске кого-нибудь, с кем коротко там касался. Все номера телефонов молчали. Ответил один. Жив посёлок! Всё ещё жив! Да, да, всё так же плещут холодные воды Охотского моря, секучий ветер с песком... а люди? С ними вот что: охотовед убит, застрелили. Сбылось пожелание молоденькой сотрудницы из журнала “Москва”: “Очень мрачно о Северо-Эвенске у вас. Напечатать не можем. Хотя бы одного положительного героя дайте, который пусть погибает, но борется”. Пожалуйста, как по заказу: умер охотовед от раны в больнице, из ружья прострелили мошонку. Администратор гостиницы Женя уехала в Магадан, насосем, сказала. А глава района, заместителей которого судили за воровство и осудили “условно”, назначен якобы “руководить недрами” всей Магаданской области. Его заместители тоже перебрались на материк. Рыбалки в Северо-Эвенске по-прежнему нет, фундамент завода рыбной переработки уже рассыпался. Зато появилась некая фирма, начала копать в окрестностях земли, хочет добывать полезные ископаемые. От земляных работ будет и дальше съёживаться оленеводство. И вслед за оленями уйдут в небытие коренные народы. Добытые ископаемые повезут, скорее всего, за границу, вряд ли в России им найдут применение.

Здоров, слава Богу, шофёр Асланбек, по-прежнему тянется прокормить семью. На рыбалку, где можно, просится. Аэропорт работает, рабочие фирмы на вахту в Эвенск летать будут. Гостиницу новым хозяевам продали. А больше никаких изменений с тех пор и нет.

И в Москве, и во всей России нет изменений.